

Пролог

Что у вас в анамнезе?

— Объясните суду, почему двадцать лет все было хорошо, и вдруг такая трагедия?

— Извините, господин судья, двадцать лет длилась трагедия, и только теперь все должно быть хорошо!

Из к/ф «Тот самый Мюнхгаузен»

.....

Я родилась в семье врачей в 1988 г. Мое появление на свет стало для всех медицинским чудом. Маме диагностировали бесплодие, которое было следствием неудачного гормонального лечения в детстве. Однажды она приехала в Тверь из Латвии на очередное обследование, в ходе которого ей сообщили о беременности. Чуть меньше чем через девять месяцев родилась я.

Мама, бабушка и прабабушка были врачами. Прабабушка первая в семье получила высшее образование, даже защитила диссертацию. Кто знает, как бы сложилась моя жизнь, если бы она стала, скажем, искусствоведом? Но она стала врачом. Следом за ней подвиг повторила бабушка, а потом и мама. Стоматолог, психиатр и терапевт. Все безумно мнительные, в каждом чихе видящие аллергию, в каждом 37,2 °С — менингит, а в каждом порезе — перспективу заражения крови.

Свою первую болячку я прихватила вместе с выпиской из роддома — стафилококк. Естественно, сама я ничего не помню и узнала об инфекции при бесчисленных повторениях моего анамнеза мамой. Но в моем подсознании записалось: первая болезнь случилась уже на первом месяце жизни.

Мне было полгода, когда мы с мамой возвращались в Латвию, где служил папа. По пути из аэропорта меня укачало и начало рвать. В служебную часть меня привезли уже без сознания.

Дальше рассказываю историю, которую знаю только со слов. Врач в латышской больнице утверждал, что со мной все в порядке и я просто сплю. Мама думала иначе.

— Реб'енок спит! — говорил он с характерным акцентом.

— Ребенок в коме! — настаивала мама.

У латышских врачей есть привычка втыкать в карман халата использованную иглу от шприца. Была она и у этого доктора. Мама выдернула иглу и воткнула в меня. Я полностью проигнорировала это мероприятие.

— Ребенок спит?! — с яростью спросила мама.

После этой выходки врач понял, что с моей матерью лучше не спорить, и согласился поставить мне капельницу. Через какое-то время я пришла в чувство и наглядно продемонстрировала, как веду себя, когда не нахожусь в коме.

Конечно, не обошлось без семейного врачебного консилиума, и меня начали усиленно обследовать. Как итог — диагноз: ацетонемический синдром, что-то связанное с уровнем сахара в крови, но не относящееся к диабету. Практическая рекомендация была следующая: если от меня пахнет ацетоном, надо выпить глюкозы, ну, или съесть сахара.

Мое утро лет до шести начиналось с фразы: «А ну-ка дыхни!» — и употребления глюкозы. Как следствие, у меня испортились зубы, но об этом позже.

До 17 лет я побывала в больницах десятки раз с самыми разнообразными диагнозами. Если собрать их все, выйдет медицинская энциклопедия, а если суммировать все время, проведенное в больницах, — получатся года. История осложняется тем, что у меня удивительно хорошая память. Кто-то другой давно бы вытеснил травматичные воспоминания. Более того, вытеснение — вполне естественный процесс, но я помню всё.

Долгие годы скитания мамы со мной по больницам я воспринимала как подвиг, а ее слова о том, что она положила на это жизнь, вызвали острое чувство вины. Если бы од-

Этот сериал советуют одним из первых по запросу «Фильмы о синдроме Мюнхгаузена». Но когда я первый раз села смотреть этот сериал, даже не подозревала, что он о синдроме Мюнхгаузена. Мой запрос в Google выглядел в духе: сериалы про жизнь. Меня зацепили красивые съемки, актерский состав и сама идея мини-сериала, который можно посмотреть за выходные.

нажды Google не посоветовал мне посмотреть сериал «Острые предметы»*, думаю, сейчас я бы рассказывала свою историю иначе, так как продолжила бы пребывать в иллюзиях.

История крутится вокруг убийств двух девушек-подростков, и основная интрига — в том, кто преступник. Однако есть в этом сериале то, что важно для нас с вами. В седьмой серии звучат слова: «Деле-

гированный синдром Мюнхгаузена». По сюжету фильма, одной из героинь никак не могли поставить диагноз. Ее

* Оригинальное название — Sharp Objects (2018). Снят по мотивам одноименного романа Гиллиан Флинн.

бесконечно таскали по больницам, обследовали, лечили, но ни одну из болезней не могли подтвердить наверняка. Я смотрела, как полицейский листает историю болезни, а медсестра в этот момент произносит: «Ее гоняли по кругу — разные врачи, разные диагнозы: болезнь Крона, учащенное сердцебиение, респираторные проблемы, проблемы с ЖКТ. Только подозрения на заболевания, ничто не подтверждалось».

Вначале меня накрыла невидимая пелена дежавю. Стоп... Это же так похоже на мое детство! Как будто я переместилась с дивана, на котором сидела и смотрела сериал, в кабинет врача. Я на кушетке, мама на стуле, за столом доктор перечисляет вслух мои диагнозы. Потом бросает взгляд на меня, пытаюсь понять, может ли все перечисленное быть у одного ребенка, и разводит руками в безуспешной попытке объяснить новые симптомы.

— Врачебный ребенок, — произносит он. — У врачей дети часто болеют.

Мама подхватывает, хватаясь за эту фразу, как за спасительную веревку:

— Да, да, врачебный ребенок, это точно.

Все жду слов доктора: что нужно делать, чтобы выздороветь. Но он не говорит, и мы почему-то уходим.

Я вернулась в реальность, поставила фильм на паузу и, с третьей попытки разблокировав телефон, залезла в «Википедию».

«Под делегированным синдромом Мюнхгаузена, или синдромом Мюнхгаузена по доверенности, понимают такой вид симулятивного расстройства, при котором родители или лица, их замещающие, намеренно вызывают у ребенка или уязвимого взрослого человека (например, инвалида) болезненные состояния или выдумывают их, чтобы обратиться за медицинской

помощью». Проще говоря, матери придумывают болезни своим детям и залечивают их.*

Я замерла и примерила прочитанное на свое детство. Все настолько созвучно, что страшно было согласиться с этим: неужели это касается и меня? Только в 30 лет, когда я стала самостоятельной и абсолютно независимой от семьи, в мою голову впервые пришла мысль: то, что происходило в моем детстве, не было нормальным. Впрочем, дальше этого мысли не пошли. Требовалось время, чтобы свыкнуться с осознанием.

Различают несколько форм синдрома Мюнхгаузена: простой и делегированный (или «по доверенности»). В первом случае человек придумывает болезни для себя, иногда даже специально наносит себе увечья, а во втором — приписывает заболевания подконтрольному человеку, чаще всего ребенку, реже — инвалиду или пожилому родителю. Недавно стали выделять еще одну форму — онлайн-Мюнхгаузен, подразумевающая людей, которые жалуются на несуществующие болезни в интернете.

Как-то вечером, гуляя с собакой, мы с моим мужчиной прошли мимо школы, которую я окончила. Неожиданно меня посетило воспоминание:

— Смотри, поликлиника прямо напротив школы. Мне так это нравилось!

— В смысле? — недоумевал он.

— Ну, из поликлиники в школу можно быстро попасть. Дорогу перешел, и — оп — сразу в школе.

* Синдром Мюнхгаузена. https://ru.wikipedia.org/wiki/Синдром_Мюнхгаузена (дата обращения: 07.10.2022).

— И что? — Он все еще не понимал, о чем я говорю.

Тут я запнулась и поняла: то, что было неотъемлемой частью моего детства, для других звучало как нечто из ряда вон. У обычных детей не было в голове мыслей типа: «Успеть бы сдать кровь перед первым уроком» или «Попасть бы на прием к врачу в большую перемену». Обычные дети на переменах болтали, обменивались книжками, обедали, в конце концов, а я пыталась успеть в поликлинику.

Окончательное осознание пришло, когда я заболела коронавирусом. Чувство беспомощности, вызванное жизнью взаперти, заставило меня вспомнить, как я переживала подобное в детстве, и не раз. Я села за компьютер и начала одно за другим записывать воспоминания о болезнях, об унижительных процедурах. Спустя час окинула взглядом текст — и испытала ужас. Из всей мозаики, которую составляли больницы, лекарства, обследования, складывалась совершенно однозначная картинка: надо мной в детстве совершали насилие, как физическое, так и моральное. Следующая мысль — несмотря на это все, я смогла жить дальше, причем полной жизнью: много путешествовать, получать профессию, водить машину.

Мне очень хотелось обнять себя маленькую и рассказать ей, что, несмотря ни на что, у нас все получится, а еще — поделиться со всем миром фактом: даже ребенок, на котором ставили крест десятки врачей, чья медицинская карточка по толщине не уступала тому Большой советской энциклопедии, может жить полноценно. В какой-то момент мне даже показалось, что если я не напишу обо всем, через что прошла, то пережитое окажется напрасным.

В одной беседе, отвечая на вопрос «О чем ты хочешь написать?», я взялась начала говорить, что книга будет о том, как меня залечивали в детстве, как издевались надо мной

во время медицинских манипуляций, как я «болела». Собеседница прервала меня очень емким и хлестким вопросом: «То есть книга будет о том, что у твоей мамы синдром Мюнхгаузена?»

В моем подсознании окончательно рухнули защитные механизмы, и мне не осталось ничего, кроме как признать то, что я и так прекрасно знала: да, похоже, у моей матери синдром Мюнхгаузена.

В чистом виде синдром Мюнхгаузена — это симулирование болезней у себя. Когда это делается в отношении детей, его называют делегированным синдромом, или синдромом Мюнхгаузена по доверенности. В том и другом случае это делается ради привлечения внимания. Что особенно важно отметить: это психическое расстройство.

В одном из материалов* я нашла примерный перечень признаков, указывающих на наличие синдрома, и сопоставила их со своей историей.

* Комиссарова Е. Что такое делегированный синдром Мюнхгаузена и чем он опасен // Лайфхакер. 2020. 21 янв. <https://lifehacker.ru/delegirovannyj-sindrom-myunxgauzena/>.

Признаки делегированного синдрома Мюнхгаузена

1. Мать* выглядит заботливой и крайне обеспокоенной состоянием своего ребенка.

Еще как! Мама всегда ехала со мной на скорой, оставалась в больнице, бегала по врачам и привлекала их внимание, требуя, чтобы меня немедленно осмотрели. А еще мастерски насаждала чувство вины. Когда я говорила, что мне плохо, больно, страшно, хочется домой, ответ был один: «Радуйся, что меня вообще к тебе пустили. Я в детстве одна лежала в больницах — так что терпи!»

2. Мать очень дружелюбна и с ходу идет на контакт с врачами, подробно рассказывая им о симптомах заболевания.

Более чем! Иногда даже настолько подробно, что складывалось впечатление, будто это у нее что-то болит, а не у меня. Тогда я, конечно же, этого не замечала. О чем-то задумалась я, только когда в мои 24 года мама посещала со мной гинекологов, по которым я скиталась в надежде забеременеть. Однажды, когда я начала отвечать на вопрос, какие у меня месячные, мама перебила меня: «Нет, все совсем не так, давай лучше я расскажу!» Взрослый человек утверждал, что знает про мои месячные больше, чем я сама. В тот момент я мягко настояла на своем, и маленькое зерно сомнения закралось мне в голову. Ему только предстояло прорасти.

* Также это может быть бабушка, отец или другой значимый взрослый. — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. авт.

3. Мама подкована в вопросах медицины, отлично ориентируется в названиях препаратов и диагнозах.

Мама — врач, и этим все сказано.

4. Ребенок часто, до нескольких раз в год, оказывается в стационаре.

Снова в точку! Бывало, я ложилась в больницу с периодичностью раз в два месяца, и абсолютно точно не проходило и года, чтобы я хоть пару раз не уехала на скорой. Иногда мое пребывание в стационаре затягивалось на месяц.

5. Заявленное матерью состояние и симптомы ребенка не соответствуют результатам анализов. При чем госпитализации предшествует странный набор симптомов, который нельзя отнести к какому-то конкретному заболеванию.

Такое тоже часто случалось. Я была своеобразной медицинской загадкой, которую с большим энтузиазмом рвались отгадывать врачи. Правда, только поначалу. По мне можно было писать сценарий «Доктора Хауса»! Симптомы совершенно разных болезней, странная сыпь или боль, необъяснимые результаты анализов. Туманные диагнозы, которые все чаще шли с пометкой «под вопросом».

6. Как только ребенок попадает в больницу, его самочувствие стремительно улучшается, странный недуг отступает.

Мне действительно становилось лучше в больницах. Мама радостно сообщала всем, что я Близнецы — и всегда лучше поправляюсь в коллективе. Доподлинно неизвестно, дело в гороскопах или в том, что в больнице фактор, из-за которого я заболела, отступал. Проще говоря, мама переставала меня травить и мне становилось легче. Возможно, это просто совпадение.

7. Симптомы вновь начинают проявляться, лишь когда пациент уезжает домой.

Один такой случай я помню совершенно точно. Мне ставили диагноз «опухоль головного мозга», который был, естественно, под вопросом. После двух недель в больнице меня наконец-то отпустили домой на выходные. В воскресенье мне резко стало плохо, и меня срочно повезли обратно.

8. Есть подозрения, что анализы подменяются. Например, принесенная на анализ моча имеет характеристики мочи взрослого человека, а не ребенка.

Таких фактов у меня нет. Анализ крови сложно подменить, а о подмене каких-то других своих анализов я не знала.

9. В крови, стуле или моче ребенка есть признаки наличия химических веществ.

Этого я тоже не припомню. Но, безусловно, мне, как ребенку, рассказывали далеко не все.

10. Нормальные результаты анализов не успокаивают мать. Она требует перепроверки. И, наоборот, выглядит удовлетворенной («Я же говорила!»), когда состояние ребенка ухудшается.

Это бывало, и не раз. «Сдать, а потом еще раз пересдать все анализы» — был чуть ли не девиз моего детства.

11. Лечение занимается только один родитель. Второй, а также другие члены семьи не принимают в этом никакого участия.

Папа отстранился от моих бесконечных проблем со здоровьем. Иногда он даже использовал слово «придури́т»

в отношении того, что со мной происходило. В чем-то он был точно прав.

12. Есть подозрения (например, видеозапись или слова соседей по больничной палате), что мать совершает действия, способные ухудшить симптомы или нанести вред ребенку.

Таких фактов у меня тоже нет.

13. У другого ребенка в семье тоже была необъяснимая болезнь, а то и летальный исход.

Тут мне нечем козырять, я единственный ребенок в семье. Если уж по-честному, то более пристального рассмотрения заслуживает вопрос о болезнях самой мамы, но об этом мы поговорим отдельно.

В статье сказано, что наличия трех-четырех пунктов достаточно, чтобы присмотреться к семье внимательнее. Если их больше, диагноз становится крайне вероятным. В моем случае можно констатировать девять совпадений из тринадцати. Выводы напрашиваются сами собой.

Хорошая новость заключается в том, — и я напоминаю себе о ней каждый день, — что я выкарабкалась. Раз я смогла, то это точно возможно. Для тех, кто сейчас проходит через нечто подобное, тех, кто в детстве прошел через тот же ад, тех, кто пытается отличить заботу от болезни и кто стремится найти, на что опереться в поисках подтверждения своей нормальности, — для вас я расскажу историю о том, как я выживала и в конечном итоге выжила.

Часть I

Это у вас наследственное

Глава I

Первый ошибочный диагноз

.....

Отмотаем еще немного назад, до 1961 г., и констатируем, что моя мама тоже выросла в семье врачей. Бабушка училась в интернатуре, когда родила дочь. Затем она стала психиатром, к слову, сама, скорее всего, имея тревожное расстройство. Маме было два года, когда бабушка, застукав дедушку с молодой (хотя куда моложе? Бабушке было 23) буфетчицей, развелась и обрушила всю свою тревожность на маму.

Судя по известным мне историям, мама в детстве лежала в больницах одна. Это происходило не оттого, что бабушка не хотела быть с дочкой, — родителей в ту пору банально не пускали. Такие были порядки в СССР.

Как вы уже знаете, в детстве маму лечили гормональной терапией. Ей было около пяти лет, когда врачи поставили диагноз, связанный с эндокринными проблемами (какими точно, я не знаю) и назначили лечение гормонами. Результатом стало то, что совершенно нормальный ребенок превратился в колобка с пухлыми щеками и вторым подбородком. Увы, с лишним весом мама уже не справилась никогда.

Главное в этой истории то, что диагноз был поставлен неправильно и того лечения, которое было назначено, вообще

не требовалось. Какая-то особая ирония есть в том, что первый ошибочный диагноз в моей истории поставлен не мне, а маме. Почему в моей? Поймете дальше!

Этот эпизод настолько зацепил маму, что его актуальность не терялась и все мое детство: то есть больше 20 лет спустя. Строго говоря, он задел всю семью. Бабушка очень любила показывать мамины фото до и после болезни, а потом причитать: «Как же так, всю жизнь испортили!» В детстве маме всецело принадлежало внимание бабушки и прабабушки. Единственная дочка, умница, отличница — всё для нее. Поэтому, когда бабушка вышла замуж второй раз, маму эта ситуация не устроила. Она делала все, что делают дети, которым не нравятся новые мужья и жены их родителей. Об этом она мне рассказывала сама. Не знаю, что стало решающей причиной развода, но именно к нему пришла бабушка всего через два года после второй попытки построить семейную жизнь.

В мамином детстве была музыкальная школа, путешествия (даже заграничные поездки), море каждый год, красивые наряды и игрушки. Звучит неплохо, но есть одно но. Мама всегда была под колпаком у бабушки. Даже в 20 с лишним лет она не могла спокойно сходить на свидание, чтобы бабушка не караулила ее в кустах, мешая целоваться. Судя по маминым рассказам, такая история очень ее ранила; впрочем, выход она нашла, и этим выходом стал папа. Ключевую роль сыграло то, что он военный, а это был шанс уехать из Твери. И она уехала.

Чтобы обрисовать уровень контроля, который исходил от бабушки, да и прабабушки тоже, расскажу одну историю. После свадьбы папу распределили служить в Мурманск. Маме было все равно: хоть на Камчатку. Она шила теплое пальто и готовилась покинуть родительский дом, однако бабушек климат Мурманска никак не устраивал.

Здесь надо сказать пару слов о прабабушке. Ее первого мужа убили на войне, она пережила блокаду в Ленинграде, по пути в эвакуацию заболела брюшным тифом, выжила, вернулась с маленькой дочерью (моей бабушкой) в Ленинград, закончила учебу в мединституте, написала диссертацию ночью на табуретке в маленькой комнате в коммуналке. В итоге она уехала в Тверь создавать с нуля стоматологический институт, лечить зубы людям, учить студентов. Прабабушка была не последним человеком в Твери, и, когда ее не устроило место назначения зятя, она, не мудрствуя лукаво, пошла к военкому и попросила его о перераспределении. После повторной лотереи Мурманск превратился в Латвию, что уже больше подходило для бабушки.

Мне всегда представлялось, что прабабушка — самая здоровая из всех. Бабушка менее здорова, у нее давление и сердечные приступы, мама еще хуже. Пальма первенства в борьбе за звание самой больной всегда доставалась мне.

Никогда не слышала от мамы чего-то вроде: «Я так мечтала стать врачом, и я им стала!» С другой стороны, я также ни разу не слышала: «Я мечтала стать журналистом» (писателем, ученым — подставьте нужное). Мне кажется, под давлением авторитетов обеих бабушек у нее просто не было вариантов: мединститут, и все тут. Окончила она его, кстати, с красным дипломом и часто говорила, что все ее однокурсники-двоечники — давно заведующие отделениями, а она — нет.

При каждой военной части есть санчасть, и в Латвии мама работала именно там. Получился комплект кадров: отец — командир части и жена-врач — очень удобно. Мама гордилась собой, потому что у остальных офицеров жены были без высшего образования, а она не кто-то там, а медик.

Что думал по этому поводу папа, никто не знает, он был хорошо воспитан.

После свадьбы и переезда мама сразу пришла к мысли, что надо бы родить ребенка, и занялась этим вопросом с особым жаром. Хотел ли этого папа, история опять умалчивает. Впрочем, все происходило в СССР, папе за 30, он командир части. Ему было положено хотеть и иметь ребенка, вот только не получалось.

В лесу, где располагалась военная часть, с медициной была напряженка, и в ход пошла тяжелая артиллерия: мамин поездки в Тверь и все доступные советской медицине обследования. ЭКО в то время было редкостью, но и других вариантов лечения бесплодия хватало. Однажды беременность наступила, но оказалась внематочной. Мама не сдавалась. Не знаю, сколько денег она потратила на перелеты Рига–Москва (возможно, это мама подкинула Валерии идею для песни), но обследоваться она не прекращала.

В тот момент, когда родители уже и не ждали, сначала на мониторе аппарата УЗИ, а потом в реальности появилась я.

Глава 2

Материнская забота

Господи, как умирать надоело...

Из к/ф «Тот самый Мюнхгаузен»

.....

Мать, посвятившая жизнь уходу за больным ребенком, отказавшаяся от карьеры, путешествий, саморазвития, личной жизни и скитающаяся по больницам в поисках диагноза, *который бы объяснил* все странные симптомы ее чада, вызывает в нашем обществе восхищение. В этом и состоит главная цель людей с синдромом Мюнхгаузена — получить внимание, симпатию, восхищение тем, как они справляются со сложностями и болезнями. Они создают проблемы, а потом героически их преодолевают.

Впервые о синдроме Мюнхгаузена рассказал врач Ричард Ашер. В 1951 г. он опубликовал статью о людях, которые придумывают себе заболевания и пытаются доказать окружающим, что действительно больны. Их не останавливают ни болезненные процедуры, ни дорогостоящие обследования, ни даже операции. Синдром получил название от имени вымышленного персонажа — барона Мюнхгаузена, который придумывал небылицы про свою жизнь. Делегированный синдром Мюнхгаузена — не что иное, как форма насилия над

детьми (реже — беспомощными взрослыми), примерно в 7% случаев ведущая к их смерти*. Причины и следствия развития этого психического расстройства малоизученны. Особенно остро это касается делегированного синдрома. Но я рада, что об этой проблеме наконец-то заговорили. Впервые делегированный синдром Мюнхгаузена был диагностирован в 1977 г. в Чили врачами больницы имени Карлоса ван Бюрена. Мальчику Марио было всего три года, но за девять месяцев он успел побывать в больнице пять раз, пройти несколько курсов лечения, в том числе антибиотиками.

Когда я читаю об этом, у меня что-то болезненно сжимается внутри от воспоминаний о том, сколько курсов антибиотиков прошла я. Один сменялся другим. Мама убеждала врачей, что таблетки не действуют — и нужно назначить другие, посильнее. Она уверяла: я настолько часто болею, что у меня привыкание к банальным, распространенным антибиотикам и мне нужно нечто особенное. Причем «нечто особенное» стоило примерно как горящий тур в Турцию, и последствием такого назначения были неизбежные мамнины стенания по поводу того, сколько денег уходит на мое лечение. Ведь она не работала.

Но вернемся к Марио. У мальчика было странное воспаление уха, сопровождавшееся выделением непонятной жидкости. Лечение действовало на ребенка хорошо, в больнице

* Хиль Розендо И. Делегированный синдром Мюнхгаузена: форма насилия над детьми // Русская служба. BBC news. 2018. 9 мая. <https://www.bbc.com/russian/features-44043613>. Marcus A., Ammermann C., Klein M., Schmidt M. H. "Munchausen syndrome by proxy and factitious illness: symptomatology, parent-child interaction, and psychopathology of the parents," *European Child & Adolescent Psychiatry*, 1995. №4(4). P. 229–36.

он быстро поправлялся, но стоило ему оказаться дома, как все начиналось сначала. Мать была очень взволнованна и, даже когда у врачей появились подозрения на ее счет, все отрицала. Однажды женщину поймали с поличным: в ее вещах нашли шприцы с препаратом, который она впрыскивала в уши сыну. После того как мальчика забрали у матери, он полностью поправился и уже не страдал ушными болезнями.

Делегированному синдрому Мюнхгаузена отведено очень мало места в медицинской литературе. Диагноз сложно поставить, а еще сложнее в него поверить. Неудивительно, что я так долго о нем не слышала, — об этом просто не говорили. Не только я, но и многие эксперты связывают повышение интереса к заболеванию с сериалом «Острые предметы».

Причины возникновения синдрома толком не классифицированы, но все сходится во мнении, что главная цель «мюнхгаузенов» — жажда внимания. У меня есть своя теория относительно одного случая в моей семье.

Я могу только предполагать, но мне кажется, что предпосылки этого расстройства были у мамы всегда и шли из ее детства. Как говорят немногочисленные статьи, которые мне удалось найти, одной из причин синдрома может быть насилие, совершенное над таким человеком в детстве. Повышенное бабушкино внимание, контроль, тревожность по отношению к маме были не чем иным, как насилием, что привело маму к невозможности принадлежать самой себе даже в зрелом возрасте. Только представьте: вам уже за 20, вы целуетесь с человеком, который вам нравится, а в кустах ваша мама переживает, что уже 22:00, а вы не в кровати.

Значительную роль, по моей теории, в ухудшении состояния мамы сыграл распад Советского Союза. Закончилась целая эпоха, и родителям пришлось уехать из Латвии. Папа отправился в Питер, получив значительное понижение

в звании из-за того, что самовольно покинул место службы. Он жил в кабинете, спал на столе, а сейф использовал в качестве холодильника. Мы с мамой вернулись к бабушкам в Тверь, и тут что-то пошло не так.

Именно в этот момент я начала болеть. Каким-то чудом я дожила до пяти лет, не подхватив ни одной детской инфекции, кроме того стафилококка из роддома. Зато в пять, после нашего приезда к бабушкам, у меня, ребенка, которому все кипятили, варили и парили, открылась язва. А еще гастрит, холецистит, эрозивный бульбит и черт знает какая фигня в животе. У ребенка пяти лет, который в жизни не ел ничего жареного, — язва! Вы можете себе такое представить?

Я лежала в больнице с мамой, и лечили меня внутримышечными уколами. Ну, то есть в задницу. Я помню, как радостно бегала по коридору с другими детьми. Мы играли, я смеялась. Потом вдруг понимала, что настало время очередного укола, и начинала рыдать, пытаюсь вырваться и убежать. Уколы, разумеется, делали, несмотря на это. Врачи ошиблись, и в моей правой ягодице начался абсцесс. Его вовремя не заметили и не вскрыли. Даже наоборот: продолжали делать туда уколы. Он, как часто говорила мать, «выболел» изнутри, и теперь у меня есть не очень симпатичный шрам, который я закрыла татуировкой.

С этой истории начались мои проблемы с желудочно-кишечным трактом, а у мамы, по моей теории, начал прогрессировать синдром. К слову, самые распространенные расстройства, которые имеют место при делегированном Мюнхгаузене, — это именно болезни ЖКТ*. Симулировать

* Weber B., Gokarakonda S. B., Doyle M. Q. *Munchausen Syndrome*. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing, 2022.

боль в животе достаточно легко, как и вызвать ее. Этот факт нашел отражение в одной из серий «Доктора Хауса»*.

К мысли, что мама была больна, я пришла, когда проанализировала все, что происходило с ней в этот период времени. Отличница, от которой ждут блестящей медицинской карьеры, уезжает в Латвию, в глушь, в лес, в военную часть, где кругом одни солдаты, максимум с соплями, ну, в крайнем случае, с похмельем. Карьеры в таких условиях не сделаешь. Хотя и там она умудрилась совершить подвиг (думаю, и в этой ситуации ею отчасти двигала жажда внимания), о котором рассказывала не раз. У одного из солдат-срочников заболел живот. По иронии судьбы начальство думало, что он симулирует. Мама была убеждена, что у него аппендицит и что ему на самом деле плохо. Она прорвалась сквозь охрану к начальнику этого конкретного солдата и с жаром начала доказывать, что ему срочно надо ехать в больницу. Она убедила командование части и поехала с ним. По ее словам, перитонит (он мог возникнуть, если бы аппендикс разорвался внутри) не случился только чудом, и солдата сразу забрали на операционный стол.

И вот эта амбициозная личность вернулась в родной город, где ее однокурсники-двоечники руководят отделениями, пишут научные работы и к ним выстраиваются очереди из желающих получить консультацию. Плюс, не надо забывать, что мама всю жизнь находилась в тени бабушки и прабабушки, состоявшихся врачей. Прабабушка так вообще была известным в городе стоматологом и почетным преподавателем мединститута. Маме похвастаться было нечем.

* Сериал «Доктор Хаус» (House M. D.). Сезон 2, серия 9 «Обман».

очень удобным объяснением нереализованности стало то, что на руках у нее маленький ребенок, который неожиданно и очень серьезно заболел. Бабушки работают, а за дочь нужно постоянный уход. Да что там! Как ее можно оставить одну в больнице? Какая тут работа? Зато можно продемонстрировать свои знания, споря с врачами о диагнозах и методах лечения.

Тот период я помню как достаточно депрессивное время. Поздняя осень, затем зима. Мама целыми днями лежала в кровати, мы редко (я же простыну) гуляли — и единственным развлечением для меня была игра в куклы. Почти год мы провели в Твери, пока папа не нашел возможность забрать нас в Питер. Денег на съем квартиры у родителей не было, и мы довольствовались комнатой

в коммуналке, принадлежавшей папиным дальним родственникам. Мне было шесть лет.

Казалось бы, место жительства мы нашли, я уже достаточно взрослая, чтобы маме сидеть со мной дома, тем более скоро в первый класс. Есть время реализоваться в карьере, да еще и в Петербурге! Можно утереть нос однокурсникам с периферии, но тут подросли новые трудности. Название им — прописка. У нас не было прописки в Питере. Этим мама объясняла невозможность устроиться на работу по профессии. Мне сложно с этим спорить: был 1995 г., а не 2021-й.

Впрочем, на работу попроще маму взяли: она устроилась соцработником. Как мне кажется, это ей не нравилось и она считала должность недостойной ее образования и опыта. Своему окружению мама рассказывала, что на работу, более соответствующую ее квалификации, она устроиться не может из-за меня. «Не берут! Маленький ребенок! Бабушек рядом нет, оставить не с кем. Она еще и болеет часто», — говорила мама.

На карьере соцработника вскоре тоже был поставлен крест. Однажды, когда я училась во втором классе, вместо мамы из школы меня встретила ее подруга. Она отвела меня домой, где мама лежала на кровати, а вокруг нее суежилась бригада скорой помощи. Забившись в угол, я со страхом наблюдала за происходящим. Тогда я не знала, что помимо всех сложностей моя жизнь будет окрашена еще и мамиными болезнями. Впрочем, немного забегаю вперед, скажу, что в те моменты, когда меня надо было срочно спасти, лечить и искать у меня самые редкие и желательно несовместимые с жизнью заболевания, мамина болезнь отступала.

Тогда мне было восемь лет, и мне объяснили, что у мамы началась мерцательная аритмия. Это заболевание сердца, при котором предсердия сокращаются в хаотичном порядке, а не одно за другим, как положено. Если они вдруг сократятся одновременно, сердце может остановиться. Болезнь эта хроническая, на всю жизнь. Она не лечится, но подбираются поддерживающие лекарства, снимаются приступы — и люди с этим живут. Как я потом узнала, очень даже неплохо живут, полной жизнью. Но не моя мама.

Она провозгласила, что ее карьере конец, больше врачом она работать не сможет, а соцработником — и подавно, там же надо сумки с продуктами таскать. Она болеет, ребенок болеет, отец — бесчувственный чурбан, жалеющий деньги на лечение (как вы помните, мама любила антибиотики подороже). Тем не менее она самоотверженная женщина, которая, несмотря на невозможность работать по состоянию здоровья, живет без поддержки в чужом городе. Ее ребенок болеет, и чем дальше, тем тяжелее, запутаннее и сложнее, — но она все равно будет тянуть эту ношу, посвящая всю себя ребенку. Попробуйте в чем-то упрекнуть такого человека?

Когда я совсем недавно сказала маме, что она в моем возрасте (мне сейчас 34) жила за счет папы и бабушек, она возмущилась так, будто я сказала, что петухи мяукают. Хотя о чем я думала, когда говорила это? Мне уже совершенно очевидно, что спорить с ней бесполезно.

Если подытожить, то моя гипотеза заключается в том, что маме очень хотелось внимания. Она не нашла сил, ресурса, уверенности в себе, чтобы реализоваться в карьере и получить это внимание благодаря профессиональным достижениям. Поэтому она решила, что получить его можно благодаря жалости окружающих и «подвигам», совершённым ради ребенка.

Психиатры отмечают, что нередко встречаются случаи, когда у одного человека есть и обычный, и делегированный синдром Мюнхгаузена. Я думаю, это как раз случай моей матери. Началось все с мерцательной аритмии. С того самого дня, когда я сидела забившись в угол и смотрела, как врачи колдуют над мамой, я начала жить с мыслью, что она может умереть в любой момент и я тогда останусь одна. Я часто прокручивала в голове, как буду жить и что делать, если мама умрет. Фильмы, в которых матери погибали, производили на меня большое впечатление. Прекрасный фильм «Мачеха» со Сьюзен Сарандон и Джулией Робертс был для меня самым страшным триллером. Все это подогревалось словами мамы о том, что кроме нее я никому не нужна и никому нет до меня дела, даже отцу. Без нее я ничто! Когда мне было десять лет, я буквально каждый день думала: а не умрет ли моя мама сегодня? Я представляла, как надену черную шляпу с большими полями и пойду рассказывать подружке и ее семье о трагедии. Я мечтала, чтобы мама дожила хотя бы до моих 18 лет.

Каждое лето мы ездили к бабушкам в Тверь. Маму обследовали, как только могли. Подбирали лекарства, то одни, то другие. В итоге назначили очень дорогие. Однако, по маминым словам, иначе было нельзя. Однажды, пока я вместе с ней сидела в очереди на консультацию, мы разговорились с женщиной с постоянной формой мерцательной аритмии. Мне, ребенку, было непонятно, почему моя мама с периодическими приступами работать не может, а эта женщина очень даже может. Я задала вопрос маме. Ответ был невнятный, но именно такой я получала всякий раз, когда спрашивала, почему люди с той или иной болезнью живут полной жизнью, работают, путешествуют, а мама так не может.

— У меня другая форма! У меня не так, как у них, они могут, я нет. Если бы у них было как у меня, они бы тоже не смогли работать, — примерно таков был ее ответ.

Понятно, что он говорит о нежелании вообще отвечать.

Мерцательной аритмией, конечно же, дело не ограничивалось. Мама с жаром, с целеустремленностью и настойчивостью, сравнимыми с теми, с которыми люди пробиваются в бизнесе или строят карьеры, пыталась найти у себя рак. Я сбилась со счета, сколько раз в детстве мое сердце замирало от очередной новости о возможной онкологии у мамы... То она искала рак яичников, то ее родинка была похожа на злокачественную, то болел кишечник, то желудок, то грудь, то поджелудочная железа.

Один раз даже дошло до операции. Это была попытка найти рак матки. Врачи подозревали миому, которая с равным успехом могла быть доброкачественной и злокачественной. Как я поняла с маминых слов, они не были уверены, нужно ли делать операцию. Из-за лишнего веса и спаек на УЗИ было плохо видно, есть что-то или нет. Мама,

конечно же, была уверена, что есть. У нее тянуло живот, были выделения на белье и еще целый букет симптомов (опять же, с ее слов). Так она оказалась на операционном столе. Когда ее разрезали, ничего не нашли, а миома матки, которая могла перерасти в рак, оказалась не более чем плодом воображения.

Безусловно, первый вопрос, который возникает: как так вышло, что здорового человека оперировали? Прежде всего, хочу сказать, что, как бы ужасно это ни звучало, для людей с синдромом Мюнхгаузена это в порядке вещей. Перенесенная операция — яркое подтверждение того, что болезнь настоящая. Для таких пациентов операционный стол не страшное, а скорее привлекательное место. В случае с моей мамой врачи сомневались. На УЗИ действительно не было видно, есть образование в матке или нет. Если бы мама ни на что не жаловалась, думаю, вряд ли дошло бы до операции. Однако она жаловалась, да еще как. При неоднозначном заключении УЗИ, обширном списке жалоб и желании самой пациентки лечь под нож операция состоялась.

Если бы меня на любом этапе жизни — в детстве, юности или уже после 20 лет — спросили, что я по этому поводу думала тогда, то я бы ответила, что безумно переживала за маму. В то время я словно была под чарами и, безусловно, верила всем ее словам. Когда у матери случался сердечный приступ, я бегала вокруг нее, исполняя желания, сидела дома, потому что «а вдруг станет хуже», и не позволяла себе радоваться, если очередной ее или мой диагноз ставили под вопрос. Меня словно накрывало черной вуалью, я жила как на войне, где каждый день мог стать последним, где каждую минуту надо быть готовой к смерти.

Глава 3

Два «мюнхгаузена»

Неужели вам обязательно нужно убить человека,
чтобы понять, что он живой?!

Из к/ф «Тот самый Мюнхгаузен»

.....

Сейчас в сети всплывает все больше реальных историй о делегированном синдроме Мюнхгаузена. Их не единицы, даже не десятки — сотни. Ситуация осложняется тем, что больные идут к хирургу, неврологу, кардиологу, терапевту — к кому угодно, но не к психиатру. Если какой-либо из врачей к нему направляет, «мюнхгаузен» просто меняет специалиста. В связи с этим говорить о статистике заболеваемости очень сложно.

О некоторых случаях рассказывают уже выросшие, как я, дети. Реже диагноз ставят матери еще маленького ребенка. Чем больше таких историй я читаю, тем больше убеждаюсь, что такая не одна, а еще — что со мной все в порядке, пусть даже я так поздно осознала произошедшее.

Первое место в мрачном рейтинге «мюнхгаузен» занимает история Джипси Бланчард. Если говорить прямо, то, возможно, из-за нее только и заговорили о «мюнхгаузене» по доверенности — уж больно страшным оказался конец у этой истории.

Джипси жила со своей матерью Ди-Ди и, по утверждению последней, была очень больным ребенком. Эпилепсия, мышечная атрофия, непереносимость сахара, сильные задержки в развитии и еще целый список диагнозов. Джипси удалили слюнные железы и все зубы, у нее стояла питательная трубка, мать брила ей голову, утверждая, что волосы все равно выпадут от лекарств.

Ди-Ди скрывала от всех, в том числе от Джипси, реальный возраст дочери, подделывая документы. В итоге Джипси освободилась от контроля матери только в 24 года, но какой ценой! Со стороны Ди-Ди выглядела безумно заботливой мамой, которая посвятила всю свою жизнь больному ребенку. Люди восхищались ею (боже, как это мне напоминает мою собственную историю).

Погружаясь в историю Джипси, я понимала, что мне повезло. Ди-Ди была огромным авторитетом для дочери, мастерски ею манипулировала, совершая помимо физического еще и психическое насилие. Ради избавления Джипси пришлось пойти на крайность. Она убила мать. Строго говоря, нож в спину Ди-Ди вонзил бойфренд Джипси, но спланировали они всё вместе. К слову, с парнем Джипси познакомилась в интернете, тайком выходя в сеть, когда мать засыпала.

Этой истории посвящено несколько фильмов. Вначале я смотрела двухчасовое документальное кино о произошедшем* (не рыдала в голос только потому, что дело было в аэропорту), а затем — сериал «Притворство»**, погружающий в историю очень глубоко.

Некоторые сцены цепляли меня настолько, что приходилось ставить фильм на паузу и восстанавливать дыхание, как

* «Мечь Джипси» (Gypsy's Revenge). 2018.

** «Притворство» (The Act). 2019.

после бега, хотя я просто лежала в кровати.

Например, в первой серии соседка делает Джипси макияж, чтобы порадовать ее. Как только девушка уходит, мать заставляет дочь умыться.

— Но, мама, мне так нравится! — со слезами в голосе умоляет Джипси.

— Смойвай! — Мать непреклонна.

— Все девочки красятся!

— Ты не такая, как все!

Мне как будто перестало хватать воздуха.

«Ты не все!» (ты больная),
«Всем можно, а тебе нельзя!»

(с другими все будет хорошо, а с тобой нет), «Не равняйся на других!» (потому что ты хуже), «Не сравнивай себя с другими!» (потому что ты ущербная) — и еще 33 варианта фраз, которыми меня пытались принизить.

Они безумно задевали меня, заставляя чувствовать себя неполноценной, сломанной, неспособной нормально жить, зависимой. С этих же слов начиналось мамино внушение, что я без нее ничего не смогу, что все достижения: от возможности дожить до текущего возраста до каждой хорошей оценки в школе — всё только благодаря ей. Без нее у меня ничего бы не вышло. То же самое говорила мать Джипси.

Я была готова отдать душу дьяволу, только бы стать такой, как все! После маминых внушений казалось, что мне ничего нельзя, что я действительно какая-то ущербная. Если

Книги и фильмы стали моими проводниками к осознанию того, что у моей матери делегированный синдром Мюнхгаузена и что это болезнь. Через чужие, правдивые и придуманные истории я по крупицам собрала свою. В первый раз в жизни я видела все настолько четко, будто мой сломанный бинокль наконец починили. Думаю, без фильмов, книг, чужих историй, статей и очерков я бы не прозрела. Или это случилось бы гораздо позже. Именно поэтому я уделяю им так много внимания.

я промочу ноги, то непременно заболею, да так, что с температурой 38 °С. Если съем что-то несвежее, или жареное, или соленое, или копченое — отравлюсь, да так, что придется ехать в больницу под капельницу. Если буду быстро бегать, да и вообще бегать, у меня случится сердечный приступ. Если порежусь, умру от потери крови.

Я смотрела, как в фильме Ди-Ди открывает шкаф, заставленный батареями баночек с таблетками, — и вспоминала целые корзинки и коробки лекарств, которые были в моем детстве. Мать говорит Джипси, что отказалась от всего в жизни только ради нее, и обвиняет в неблагодарности; уверяет дочь, что она совершенно не нужна отцу (который на самом деле звонит и шлет деньги на содержание Джипси, но та об этом не знает). Было невыносимое чувство, будто по моим шрамам, затянутым толстой рубцовой тканью, проводят ножом.

После просмотра последних серий у меня, словно дежавю, появилось ужасное гнетущее ощущение безысходности, накрыли воспоминания о долгих днях, проведенных без цели и радости дома. Я даже почувствовала запах несвежего постельного белья — именно так пахли мои детские воспоминания. Серию за серией я проваливалась в то время. Вокруг меня оживали эти тягучие, темные моменты, причиняя мне буквально физическую боль. Приходилось встряхивать головой, возвращая себя в реальность.

В тюрьме у Джипси взяли интервью. Меня зацепил вопрос: когда именно она осознала, что в ее жизни что-то не так? Девушка ответила, что это произошло в 19 лет. Она тогда задумалась, почему ей запрещено иметь друзей и оставаться одной. Ее случай — крайность. Она была совершенно несоциализированна, единственным авторитетом являлась